

История философии

38 Спиноза (продолжение), Лейбниц.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Хорошо. Сегодня я хотел бы сделать две вещи. Во-первых, в сокращенной форме, подытожить то, что я собирался сказать в прошлую пятницу относительно Спинозы о разуме и эмоциях.

Из обсуждения я понял, что вы довольно хорошо знакомы с основными контурами мысли Спинозы, поэтому мы можем довольно быстро их резюмировать. Затем перейдем к тому, кто займет наше внимание до конца этой недели. Итак, что касается разума и эмоций, то у Спинозы есть четыре момента, которые я написал на доске, и которые я хочу подчеркнуть.

Это не совсем тот же план, что и в пятницу, потому что я решил его сократить и сжать, но, думаю, это всё. Насколько я помню, мы начали обсуждение с разговора о детерминизме Спинозы, который подразумевается в его взгляде как на разум, так и на эмоции. И мы можем легко убедиться в этом, взглянув на его определение эмоции, которое вы можете проверить сами, если хотите.

Это на 134-м месте в антологии. Эмоция — это телесное изменение, увеличивающее или уменьшающее свою активную силу. Теперь несколько моментов, которые следует подчеркнуть.

Во-первых, эмоция имеет физическую основу. Понятно? Это модификация тела. Модификация — это временное состояние тела.

Помните, что режимы существования конечного состояния. Поэтому эмоция — это временный режим телесного существования. И она связана с активной силой тела, либо с её увеличением, либо с её уменьшением.

Сила тела? Да, это причинно-следственная энергия, с которой одно состояние тела сменяется другим. Поэтому, когда вырабатывается адреналин, сила увеличивается. Когда вы чувствуете себя эмоционально совершенно подавленным, сила уменьшается.

Эмоция — это изменение в теле, увеличивающее или уменьшающее активную силу. Это базовое определение. Следовательно, очевидно, что эмоции имеют физическую причину.

Но следует помнить, что параллельно, сопутствующим явлением каждого телесного изменения является другой аспект нашего бытия. Иными словами, если мысль и физическое проявление — это два атрибута бытия, то существует,

в соответствии с физической эмоцией, изменяющееся состояние сознания, которое мы ощущаем. И поэтому, если мы говорим об эмоциях, которые мы осознаём, мы говорим о чувствах.

Или, если эмоции воздействуют на нас на ментальном уровне, мы склонны называть их страстями, в которых мы ментально пассивны. Таким образом, телесные изменения, увеличение или уменьшение активной силы тела, сопровождаются изменением состояния сознания. При этом он очень четко говорит о воле и интеллекте, участвующих в сознательной стороне процесса.

Но эмоция — это, по сути, физическое явление, и мы говорили об этом в прошлый раз в ходе обсуждения, в контексте того, что Спиноза называет *conatus*, той движущей энергией, которую мы связываем с желанием, стремлением или желанием различных конативных функций, как мы называем их на психологическом языке, *conative*. Таким образом, эмоция — это то, что лежит в основе этого. Аппетит — да.

В сознательной жизни желание и воля — это способы обозначения этих эмоциональных состояний: желание или нежелание, симпатия или антипатия и так далее. Таким образом, определение эмоции довольно ясно. Однако самое важное в теории эмоций Спинозы заключается в том, что эмоции держат нас в рабстве.

Возможно, вы заметили, что последние два раздела его главного труда, «Этики», озаглавлены, соответственно, «Человеческое рабство» и «Человеческая свобода». Звучит как отголосок чего, Лютера или чего-то подобного, но всё же человеческого рабства. Да, потому что когда в нашем сознании присутствуют неадекватные идеи, то есть когда нам не хватает ясности и чёткости в мышлении, тогда у нас есть запутанная идея, вплетённая в эмоциональное чувство, и именно эмоциональное чувство движет сознанием, а не ясность и чёткость, которые должны им управлять.

Таким образом, зависимость от эмоций возникает из-за недостатка, отсутствия ясных и четких идей. И точно так же, свобода от эмоционального влияния, человеческая свобода приходит с ясными и четкими идеями. Ясность мысли рассеивает страсти, которые в противном случае двигали бы нами, в отличие от ясного мышления.

Таким образом, в развитии его этики будет прослеживаться идея добродетели, и вы можете проследить это на страницах 145, 148 и так далее. Добродетель — это жизнь, управляемая разумом, а не эмоциями. Правление разума над эмоциями.

Добродетель — это то, что мы приобретаем не из страха перед злом, это было бы эмоцией, движимой эмоциями, а только благодаря ясному, четкому пониманию последствий того, что мы делаем или собираемся сделать. И эта жизнь, основанная на разуме, означает, что мы должны обрести ясность в отношении причинно-следственных сил, определяющих наши обстоятельства. Причинно-следственные силы, действующие в нас, — это физические, эмоциональные силы, а также причинно-следственные силы, действующие в окружающем нас мире, поскольку все они являются частью единой всеобъемлющей субстанции.

Иными словами, именно понимание причинно-следственных механизмов природы и принятие их как данности делает их невозможными для оспаривания. Именно в этом принятии законов природы мы обретаем свободу от эмоциональных потрясений. И вот здесь проявляется стоическая этика, понимаете, потому что именно в этом принятии рождается душевный покой.

В этом смысле добродетель, жизнь в соответствии с разумом, сама по себе является наградой. И никаких будущих наград не требуется. Добродетель сама по себе является наградой.

Итак, он говорит о рациональном принятии. Но интеллектуальное принятие упорядоченности природы — это интеллектуальное принятие Бога или природы, того или иного. И, любя упорядоченное величие природы, человек любит Бога.

Таким образом, это высшее состояние добродетели — это то, что он называет интеллектуальной любовью к Богу, простое наслаждение созерцанием упорядоченности природы и всех действующих природных сил. Конечно, говорить о такой любви к Богу — это язык еврейского наследия Спинозы. Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, един; и возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всем разумением твоим, и всю силою твоею.

И вот тут он это подхватывает. Но поскольку он пантеист, а не теист, из этого неизбежно следует четвертый пункт. У Бога нет страстей.

На Него не влияют ни наша любовь, ни наша ненависть. Бог любит Себя целиком, понимая Себя во всей полноте ясного мышления, но Он любит Себя через нашу любовь к Нему. Теперь вы понимаете, почему? Потому что если Бог познает Себя через эти конечные способы мышления, то есть через наши идеи, то Бог любит Себя через эти конечные способы, то есть через нашу любовь к Богу.

Итак, Бог не любит нас. Мы не являемся отдельными существами, которых нужно любить. Но Бог любит Себя через нашу любовь к Нему.

Таким образом, нет никакой взаимности; как она может быть со стороны Бога, если Бог есть всё во всём, включая нас? Вот моё краткое изложение взглядов Спинозы на разум и эмоции. Хотите немного поразмышлять над этим? Или это было предсказуемо на данном этапе нашего мышления у Спинозы? У меня есть вопрос... Не могли бы вы говорить немного громче? Я не совсем понимаю его концепцию воли и то, как она вписывается в эту картину.

Я понимаю, что он не обязательно в это верит, но как он интерпретирует волю? Я до сих пор в этом запутался. Да, если под волей вы подразумеваете осознание свободного выбора, то воля — это всего лишь ещё одна идея, понимаете? Это осознание предпочтения, утверждения или отрицания.

Это всего лишь ещё одна идея. И, как и все другие идеи, она возникает в потоке предшествующих идей. Так, акт воли — это состояние сознания, ошибочно воспринимаемое как свободное, тогда как на самом деле оно причинно обусловлено.

Как бы он объяснил некоторые аспекты вещей, которые, как я полагаю, являются примером любви агапе из Библии, в том смысле, что иногда кажется, что люди стремятся к вещам, противоречащим, возможно,... эгоизму? Я полагаю, я не знаю, говорит ли он об этом где-либо, но я предполагаю, что он ответил бы так: самоотверженная любовь — это всего лишь один аспект той интеллектуальной любви к целостности, которая есть Бог, которая затем превосходит любовь к собственным удовольствиям, желаниям или любым другим эмоционально обусловленным состояниям. Как он проводит различие между нашей любовью к Богу и Его взаимной любовью к нам через эту любовь? Нет, нет. Я сказал «Его»? Любит ли Он нас? Что я должен был сказать, что я хотел сказать, так это то, что Бог любит Себя через нашу любовь к Нему.

Ну, хорошо. Хорошо, а как же тогда это работает? Если Бог — всё во всём, и по сути мы любим Бога, разве это не означает, что Бог каким-то образом ответил бы нам взаимностью, если бы Он сказал «всё во всём»? Нет, потому что можно сказать, что Бог отвечает нам взаимностью, только если «мы» — это нечто иное, чем Бог. А мы — нет.

Мы можем любить Бога, потому что Бог — это больше, чем мы. Мы — часть божественного существа, и поэтому мы можем любить всё то целое, частью которого мы являемся. Понимаете? Но такой целенаправленной любви не существует, потому что, по сути, нам нужна вот такая схема, где этот сегмент любит целое.

Но в любви как таковой нет акцента на отдельных её частях . Дэвид? Его этика. Вы говорили о том, что мы должны понимать все механизмы природы и принимать их, но он также говорит кое-что о последствиях.

Да, есть одна мысль, которая проходит красной нитью через все его рассуждения, и, кажется, это примерно на 148 странице. Он говорит о знании последствий. Давайте попробую найти этот отрывок.

Посмотрим. Нет, сейчас я этого не заметил, но свяжись со мной позже, Дэвид, может, мы сможем это выяснить. Хорошо.

Последствия для нас подразумевают связь с целым, но мне нужно будет найти конкретный отрывок . Я не уверен, что понимаю. Кажется, вы сказали, что Бог не подвержен влиянию нашей любви.

Да, да. Он любит себя благодаря нашей любви к нему. Я не понимаю, как на него может повлиять наше отсутствие любви.

То есть, если Его не затрагивает наша ненависть, то как Он может любить Себя? Но видите ли, наше отсутствие любви сопровождается путаницей в мыслях. У нас же путаница в мыслях, а у Бога её нет. Поэтому Бог обладает совершенной ясностью мысли и, следовательно, не испытывает недостатка любви к объекту своей мысли, которым является Он Сам.

Значит, если мы его ненавидим, он всё равно любит себя? Это не мешает Богу любить себя. Получается, даже если бы мы все его ненавидели, он всё равно любил бы себя? Интересно, как бы он на это отреагировал. Видите ли, если бы он сказал: «Да, подождите-ка...»

Да, ответил бы он. Бог — это больше, чем сумма всех людей. Понимаете ? А люди — меньшинство по сравнению со всей совокупностью природы.

Теперь, вся природа в целом, которая, возможно, и не предполагает осознанной любви, тем не менее, принимает своё место в этом целом. И в этом принятии целого содержится эквивалент любви, который, следовательно, превосходит вашу мелкую ненависть. Хорошо, теперь я делаю выводы, но мне кажется, что он бы именно так и поступил.

двойственность присуща не только людям . Она присутствует во всех аспектах бытия. Хотя другие аспекты бытия могут быть неосознанными.

Спиноза не рассуждает так, как принц Уэльский, о разговорах с цветами, растениями и тому подобным. Нет, но он признает, что существует интеллектуальная сторона вещей, которая проявляется не всегда в сознании, но,

по крайней мере, в упорядоченном виде. И этот упорядоченный вид существует.

Понимаете ? Мы видим различные степени сознания, начиная от полной ясности самосознания у Бога и заканчивая моментами, режимами ясного и отчетливого сознания у нас (хотя не всё наше сознание ясное и отчетливое), более запутанным сознанием у животных, отсутствием сознания, но лишь реакцией на происходящее в вегетативной жизни. Понимаете ? Таким образом, существует определённая интеллектуальная упорядоченность. Существует ли сознательное существо, известное как Бог, или он просто использует общепринятые термины? Да, похоже, он имеет в виду сознательное существо.

И я говорю это потому, что если Бог обладает полной ясностью и отчетливостью мысли, как он утверждает, то это подразумевает наличие у Бога сознания. Во всей этой иерархии пониманий Бог является самым ясным и полным. Да? Он упомянул, что Бог не любит нас, но мне просто интересно, как это объяснить. Он говорит, что наше спасение состоит главным образом в постоянной и вечной любви к своему наставнику и в любви Бога к человеку.

Как это работает? Где тот отрывок, где он это говорит? 158. Нижний правый столбец. Хорошо, из сказанного мы ясно понимаем, в чём заключается наше спасение, и обратите внимание, что он приравнивает спасение к блаженству, свободе, а именно к постоянной и вечной любви к Богу, или к любви Бога к людям.

Итак, либо то, либо другое, либо это одно и то же? Теперь, по мере чтения, вы заметите, давайте посмотрим, смогу ли я точно указать этот отрывок. 158. Давайте посмотрим.

Да. Следствие, приведенное выше примечания, на которое вы обратили внимание, заключается в том, что Бог, поскольку Он любит Себя, любит и человека. Следовательно, любовь Бога к человеку и интеллектуальная любовь разума к Богу тождественны.

Хорошо? Итак, постоянная и вечная любовь к Богу — это любовь Бога к человеку. Таким образом, нет целенаправленной, индивидуальной любви Бога в ответ на индивидуальную любовь. Теперь эта любовь или блаженство, которое Библия называет славой, вполне заслуженно, и независимо от того, относится ли она к Богу или к разуму, её по праву можно назвать покорностью духа.

Видите ли, это принятие, согласие. Оно ничем не отличается от славы. Таким образом, спасение, это блаженство — это не что иное, как наслаждение созерцательной любовью к Богу.

Ничего больше. Просто Он любит нас и любит Себя, потому что мы в Его любви. Да, Он любит нас, но нет, Бог не любит нас в ответ.

Понимаете ? Дело в том, что Бог понимает и полностью принимает весь космический порядок, частью которого мы являемся. Понимаете ? Частью которого являемся мы. Весь космический порядок, который есть Он Сам.

Но это не значит, что Бог испытывает к вам личную привязанность как к личности. Понятно? Вот от чего Он отступает. Поэтому, если вы думаете о спасении в личном смысле Писания, в индивидуальном смысле или в контексте загробной жизни, это не Спиноза.

Это могут быть еврейские писания, но это не Спиноза. Понятно? Ладно. На этом этапе я готов оставить Спинозу.

Хорошо? Вот краткий итог. Пока нет. Да, Кейл? Да.

Говоря языком XX века, он хочет демифологизировать её. Иными словами, переосмыслить её в рамках своего рационалистического пантеизма. Отделить то, что он считает сущностью иудейской веры, от повествовательной истории, в которой она возникла.

Включая представление о Яхве как о существе, действующем особым чудесным образом и так далее. Это часть истории, в рамках которой передается сущность иудаизма. Знакомо ли вам сегодня различие между реформированным и ортодоксальным иудаизмом? Реформатский иудаизм аналогичен некоторому... я хотел сказать, унитаризму.

Но унитаризм — это подход, в котором акцент делается на определенных идеалах человечества и природы в целом, а не на личных отношениях к нравственному божеству, которое заботится о справедливости и любви. Понимаете разницу? Сказал бы он, что все религии содержат некую истину о сущности Бога? Что, по сути, их вера — это то, чем они должны быть? Ну, да, я не знаю, сказал бы он так. Думаю, он, вероятно, сказал бы, что все религии — это на самом деле запутанные представления о Боге, который является единым всеобъемлющим существом, как он это описал.

Думаю, он бы так и сказал. И, вероятно, он бы сказал, что некоторые запутались больше, чем другие. Что, я полагаю, любой, у кого есть предпочтения, и так бы сказал.

Но он бы сказал это обо всём. Один короткий вопрос. Как вы формулируете свои мысли? И я думаю, что его ответ на самом деле состоит из двух частей .

Во-первых, благодаря созерцанию, включающему в себя внутреннюю диалектику в духе Сократа, идеи становятся когнитивно ясными. Во-вторых, это помогает рассеять эмоции, которые сбивают с толку и отвлекают наше мышление. Поэтому необходим сосредоточенный и не отвлекающийся ум.

Эти две вещи я перенимаю не только у Спинозы, но и у его предшественника Декарта. Когда он говорит о более ясных и четких идеях, он говорит о концентрации внимания, не отвлекаясь, или что-то в этом роде. Свяжите это с теорией эмоций.

И вот вы получаете два критерия. Я думал, вы зададите такой вопрос: если это путь к обретению свободы, но если мы никоим образом не свободны в выборе, как же нам заставить себя это сделать? Понимаете? И единственное, что я могу на это сказать, это то, что, я думаю, здесь это есть, существует это всепроникающее стремление, которое пронизывает всю природу, включая наши ментальные блуждания.

Так что вы словно кошка, которая охотится на мышку, и не отпускаете ее. Разве не это сейчас происходит? Мы не отпускаем Спинозу. Видите ли, мы хотим внести ясность.

Как такое может быть? Получается, что существует некое естественное стремление, которое постоянно подталкивает нас, постоянно подталкивает. И когда нам кажется, что мы выбираем сосредоточиться на этом, на самом деле это чередование каких-то непонятных эмоций. Хорошо.

Хорошо. Теперь, оставляя Спинозу, не думайте, что мы отказываемся от подобной программы. Это не так.

Фактически, в этом разделе форума я представил очень краткое сравнение Декарта, Спинозы и Лейбница по трем основным аспектам теории Спинозы. А именно, взаимосвязь между темой единого и множественного, которая восходит к досократикам; проблема разума и тела; свобода и детерминизм.

И, очевидно, это ключевые темы на протяжении всего текста. В случае Декарта мы имеем дуализм разума и тела. Дуализм в теистическом контексте, поэтому назовем его теистическим дуализмом.

Хорошо. И когда мы говорим о дуализме у Декарта, мы говорим о качественном аспекте. Существует качественная двойственность между ментальной и физической субстанциями.

Мыслящие вещи и протяженные вещи. Это качественно разные вещи. Различайте качественную и количественную точку зрения.

Сколько существует разумов? Сколько существует тел? Ну, я знаю, что у вас есть только по одному представителю каждого типа, но все вместе это будет количественным показателем. И, конечно, важно то, что Декарт — качественный, а не количественный дуалист.

Очевидно. Качественный дуалист. Спиноза, как мы говорим, монист.

Да, он сторонник качественного подхода. А теперь возьмите свои слова обратно. Он сторонник количественного подхода.

Количественный монист. В числовом выражении существует одна субстанция. Одно бытие.

Видите ли, существуют качественные аспекты чего? Качественные аспекты единого существа. Но он — количественный монист с качественным дуализмом.

Плюрализм. Лейбниц, с другой стороны, является плюралистом. Сколько существует веществ? Очень, очень много веществ.

Он — сторонник количественного плюрализма. Неопределенное число. Количественный плюралист.

Но он также является сторонником качественного плюрализма. Потому что это огромное количество различных веществ качественно различается по степени. По степени.

Он возрождает средневековое понятие иерархии бытия. Аналогию бытия, в которой все существа обладают аналогичными качествами, но пропорционально различаются по степени.

Таким образом, в количественном многообразии взглядов Лейбница существуют качественные различия. Сейчас мы немного подробнее это рассмотрим. Сначала я хочу, чтобы вы поняли, в чем заключаются различия.

Что касается взаимосвязи разума и тела, то Декарт, конечно же, придерживается теории причинно-следственного взаимодействия. Спиноза, разумеется, рассматривает двойственный аспект. Лейбниц — параллелизм.

Да, разум и тело — это разные субстанции. Тело — очень сложная субстанция. Разум — простая субстанция.

Но причинно-следственной связи нет. Никакой причинно-следственной связи. Они просто так устроены и, если хотите, запрограммированы таким образом, что работают согласованно.

Они идеально синхронизируются друг с другом. Идея идеально соответствует состоянию тела, предопределена, заранее спланирована. Таков параллелизм в случае Лейбница.

О свободе и детерминизме. Что касается свободы воли, Декарт — индетерминист. Воля свободна утверждать или отрицать.

Вот почему это нужно сдерживать, необходимо сдерживать. Спиноза — детерминист в силу внутренних причинно-следственных процессов. Внутренний детерминизм.

Лейбниц — совсем другой. Он считает свободу и детерминизм совместимыми. Совместимыми.

Потому что он понимает свободу не как свободу от механических причин, механистическую, а как свободу преследовать цели, стремления, воплощать свою внутреннюю энтелехию. Звучит ли это как схоластика? Да, звучит. Видите ли, эти вещи у Лейбница возникают потому, что он отвергает механистическую науку как окончательное объяснение.

Его не устраивает, что это достаточно высокий уровень. Это всего лишь феноменальный уровень. Он задает этот вопрос.

Эта механистическая наука утверждает, что всё объясняется с помощью материи и движения. Но что остаётся, когда материя распадается и движение прекращается? Что же остаётся? И его ответ? Никакой материи, только энергия. Сила! Сила.

Другими словами, Лейбниц начинает разрабатывать концепцию энергетической физики примерно в 1700 году. Энергетическая физика — это телеологическая метафизика, где всё ориентировано на конечную цель, и существуют внутренние энтелехии. Да.

Всё имеет свою природу. И именно в проявлении этой природы проявляется телеология. Таким образом, эта первоначальная картина затем знакомит с тем, чем занимался Лейбниц.

Давайте посмотрим. Да, позвольте мне объяснить это так. Лейбниц, живший примерно в 1700 году, предвидел нарастающие конфликты между наукой и религией.

Он считал, что это достаточно очевидно на примере таких людей, как Гоббс и Спиноза. Конфликты между наукой и религией. И довольно распространенные .

Это выходит далеко за рамки отдельных личностей. Механистическая наука создает проблемы для христианства. Проблемы, связанные с человеческой свободой.

Проблемы, касающиеся человеческой души. Проблемы, следовательно, касающиеся будущей жизни. И проблемы, касающиеся природы Бога и того, как он связан с миром природы и как он взаимодействует с ним.

Именно из-за этих скрытых проблем в механистической науке, принимаемой за философию, которая рассказывает об основополагающей природе реальности, он отвергает механистическую науку как объяснение основополагающей природы реальности. Он антиреалист в отношении механистической науки, хотя и реалист в отношении того вида науки, который он себе представляет.

Следует добавить, что Лейбниц не был профессиональным учёным. Он был немецким дипломатом, постоянно занимавшимся челночной дипломатией.

Постоянно в разъездах. Именно поэтому он не путешествует по систематическим трактатам, как Спиноза. Но более короткие произведения, некоторые из которых есть в антологии, он читает.

Его беспокоят религиозные войны, бушевавшие в Европе в его время. И он стремится к объединению Европы и христианского мира. Поэтому он пытается участвовать в подобных переговорах.

И, конечно же, для этого, для объединения противоборствующих сторон, ему необходимо некое философское мировоззрение, которое обеспечило бы основу для обращения к определенным идеям. Он убежден, что механистическая наука, которая может говорить только о противоборствующих силах, не может дать никакого смысла, глубинного смысла, который мог бы стать основой для той Европы, которую он себе представляет. Таким образом, возникает конфликт между религией и наукой.

По сути, обращаясь к Лейбницу, мы видим не только сомнение в механистической системе и разработку новой системы, которая будет более эффективно фокусироваться на человеческом разуме и человеческой свободе. Это не только сомнение в механистической системе, но и в рационалистическом подходе. В мышлении Лейбница присутствуют теологические идеи, которые не находили отражения ни у Спинозы, ни даже у Декарта.

Декарта устраивали выводы, согласующиеся с его религией. Лейбниц же стремится к некоему основополагающему видению целенаправленного творца, активно участвующего в сотворении мира. И именно это пронизывает все его мышление.

Итак, с учетом этого, сделаем еще один шаг, и все же в качестве введения. Совершенно очевидно из того, что я сказал до сих пор, что для Лейбница суть вопроса будет заключаться в понятии субстанции. Понятии субстанции.

Он выступает против декартовского взгляда на субстанцию, в данном случае на материальную субстанцию, как на просто протяженную массу, занимающую пространство. Потому что такое понятие материи не объясняет другие очень важные свойства материальных тел, такие как инерция. Тот факт, что тело продолжает находиться в состоянии движения или покоя, в котором оно находится естественным образом.

И поэтому он утверждает, что протяженность не является основным первичным свойством. Она скорее производная, чем основная. Протяженная субстанция — это совокупность более основных компонентов.

А свойства протяженности обусловлены взаимосвязями между этими основными компонентами. Тело — это не просто совокупность протяженных субстанций, как утверждали Демокрит и атомисты, а совокупность непротяженных сущностей.

Расширение является результатом составного элемента. Следовательно, конечными составляющими субстанции являются то, что он называет монадами. И они, основные единицы всей реальности, являются единицами силы, энергии, а не единицами протяженной субстанции.

Однако, по той же причине, он недоволен Спинозовской концепцией субстанции. Потому что, согласно детерминизму Спинозы, во всей природе нет ничего по-настоящему случайного. У всего есть свои собственные потребности.

И здесь нет места случайным, непредвиденным обстоятельствам, которые могут произойти. Ему не нравится аристотелевская концепция субстанции. Потому что для Аристотеля первичная субстанция все еще является составной, а не основной.

Даже анализ Аристотелем субстанции, разделяющей её на первичную материю и форму, не даёт нам достаточно информации о материи. Первичная материя не объясняет инерцию так же, как и концепция субстанции Декарта не объясняет инерцию. А когда он рассматривает физику Ньютона, ему не нравится

ньютоновская концепция не только материи, субстанции, но и пространства и времени.

Поскольку это однородное, бесконечное, пустое пространство, имеющее фиксированные места для размещения веществ, — говорит Ньютон, — является чистой абстракцией, не имеющей никакого основания в реальности. Поэтому он отстаивает относительность времени и пространства. Относительность в 1700 году.

Я понимаю, что спор о том, что появилось раньше — наука или философия, чем-то похож на спор о курице и яйце. Но очень интересно видеть, что Демокрит появился за сотни лет до механистической науки, а Лейбниц — за пару сотен лет до того, что появилось позже. Вот что он говорит о космосе.

Что касается моего собственного мнения, я не раз говорил, что считаю пространство чем-то лишь относительным. Я считаю его порядком сосуществования, подобно тому как время — это порядок последовательных событий. Ведь пространство обозначает, с точки зрения возможности, порядок вещей, существующих одновременно, рассматриваемых как существующие вместе.

И когда множество вещей рассматриваются вместе, человек ощущает порядок вещей между ними. А затем, чуть позже, он говорит, что пространство абсолютно однородно. Без каких-либо предметов, помещенных в него, одна точка пространства ничем абсолютно не отличается от другой точки пространства.

Отсюда следует, что не может быть никаких оснований полагать, что Бог, обратите внимание, как Бог участвует в формировании своих доводов, имеет основания для этого. Не может быть никаких оснований полагать, что Бог, сохраняя одинаковое расположение тел между собой, расположил бы их в пространстве одним образом, а не другим. Или почему всё не было расположено совершенно противоположным образом, если бы восток был перевернут на запад?

Если пространство — это всего лишь порядок, отношение, ничто без тел, то эти два состояния, одно такое, каким оно является сейчас, а другое — совершенно противоположное, ничем бы не отличались друг от друга. Если же пространство совершенно пусто и ничто, то пространство — это пустая возможность упорядоченных отношений вещей во времени.

То же самое относится и ко времени. Предположим, кто-то спросит: почему Бог создал всё на год раньше? И этот же человек сделает вывод, что Бог совершил нечто такое, для чего не может быть никаких оснований, кроме как объяснить

это иначе. Ответ таков: этот вывод был бы верен, если бы время было чем-то отличным от вещей, существующих во времени.

Если бы не существовало событий пространственно-временного рода, то не было бы и времени, понимаете? Поэтому он отказывается от ньютоновских представлений о пространстве и времени. Что же происходит дальше? Существует четыре ключевых понятия механистической науки, ньютоновской науки.

Материя, сила или движение — движение, объясняемое с точки зрения сил, материи, пространства и времени. Пространство и время сами по себе ничто. Эти слова ни к чему не относятся.

Материя и движение не являются абсолютными понятиями. Абсолютным понятием является сила, энергия. Таким образом, мы имеем дело с полным отрицанием четырех ключевых концепций ньютоновской физики, заменяя их концепцией силы или энергии в телеологической системе.

Необходимо учитывать Божьи замыслы. Что ж, позвольте мне сделать паузу. У нас есть несколько минут.

Вопросы? Комментарии? Или вы хотите, чтобы я подробнее рассказал о его монадах и монадологии? Я так понимаю, хотите. Доктор Чаппелл? Да, пожалуй, мне лучше продолжить и дать более развернутое объяснение, чтобы создать основу для ответа на этот вопрос. Хорошо.

Позвольте мне сказать еще кое-что о его монадах. При первом знакомстве с Лейбницем возникает тенденция рассматривать его монады как плод бурной фантазии. Не поддавайтесь этой тенденции.

Рассматривайте это скорее как квазинаучную гипотезу, предвосхищающую современные дискуссии о природе материи, частицы или единицы энергии, или просто о том, что это такое. Иными словами, рассматривайте это как гипотезу об энергетических составляющих материи, в отличие от твердых частиц материи. Хорошо.

Итак, учитывая это, он выдвигает предположение, что монады — это единицы силы, различающиеся лишь степенью желанности и восприятия. Степень желанности и восприятия. Что такое желание? Но, по сути, это карнат Спинозы — это стремление, эта сила, этот внутренний импульс, который, кажется, пронизывает все природные процессы, включая наши собственные телесные энергии, наше желание, стремление и потребность.

Видите ? Значит, всегда есть этот карнатус, это влечение, это стремление. Как будто, и здесь я подхватываю телеологическое понятие, как будто существует некая приманка, притягивающая к цели. Здесь задействовано понятие конечной причинности.

Да, у Спинозы карнат, кажется, полностью олицетворяет собой эффективную причину, толчок. У Лейбница, я бы сказал, это притяжение, но не толчок. Это скорее и притяжение, и толчок одновременно.

Иными словами, он объединяет действенную и конечную причинно-следственную связь. Видите ли, это своего рода притяжение и отталкивание. Весь природный процесс получает энергию.

Итак, степени аппетита. Чтобы камни сопротивлялись вашему давлению. И чтобы растения и саженцы росли.

И телесные процессы продолжаются. И так далее. Но также различаются степени восприятия .

Очевидно, что апперцепция — это искаженное слово «восприятие». Осознание, сознание. Существуют разные степени осознания, сознания, связи с окружающей средой.

Реакция на окружающую среду. Не всегда осознанная, но в низкой степени аналогичная осознанности. Как, например, семена травы, которые я посеял этой осенью после летней засухи.

Совершенно неосознанно проросло и начало показываться. И да, кое-что из этого всё ещё держится на поверхности грязи. Есть понимание того, что оно должно делать, осознание.

Ну, очень, очень низкая степень реакции на тепло и влагу. Таким образом, существуют разные степени аппетита и его низкоуровневые аналоги. Степени восприятия и его низкоуровневые аналоги.

Спускаясь по всей иерархии бытия. И в этой иерархии бытия он, соответственно, различает различные виды монад. В самом низу находятся голые монады.

Сначала появляются простые монады. Затем, на шаг дальше, — монады души. Или, если хотите, монады жизни.

А затем идут духовные монады. И на самом верху находится высшая монада. А вот простые монады не обладают четким осознанием или сознанием.

В какой-то момент он говорит, что они словно ошеломлены, оглушены, находятся без сознания. Это, конечно, не означает, что у них нет врожденного аппетита или восприятия. Живые существа могут находиться в бессознательном состоянии.

И органические процессы продолжают. И его аналогия больше относится к организму, чем к бессознательному организму, чем к бессознательной машине. Бессознательная машина сама по себе ничего не делает.

Бессознательный организм сам по себе делает очень многое. Поэтому в основе лежат простые монады. Монады души, те, которые дают жизнь животному.

Итак, здесь у нас неодушевленная материя. Здесь у нас животная жизнь. И, конечно же, все промежуточные ступени в иерархии.

А в монадах души существует некое сознательное восприятие последовательного характера. У некоторых развитых животных есть память в смысле сохранения информации. У них есть привычки, сформировавшиеся в монадах души.

В духовных монадах именно здесь проявляется человеческий дух. Здесь присутствует абстрактное мышление. Процессы рассуждения.

Самосознание — это не просто восприятие раздражителей, а именно самосознание. Мы размышляем о себе. Только люди беспокоятся о смысле и цели жизни.

Как иногда говорят. Таким образом, духовная монада — это господствующая сущность, господствующая энтелехия в человеческой природе. А затем есть высшая монада.

Бог. Высшая монада. Полное сознание, то есть всеведущее, всезнающее.

И он бы добавил с полной ясностью и отчетливостью, что Бог всеведущ и всезнающ. Всемогущ, то есть обладает безграничным стремлением, движущей силой, импульсом, суверенной волей. Бог, являющийся необходимым существом, по своей сути существует.

Таким образом, Лейбниц тоже открыт для онтологических аргументов, понимает. Суть в том, что существуют разные виды монад в различных видах составных структур. Допустим, что простые монады в составных структурах порождают только материальные вещи, физические объекты.

Душевные монады, в сочетании с простыми монадами, порождают животных. Духовные монады, в сочетании с душевными монадами и простыми монадами, порождают людей, понимаете. Таким образом, это очень похоже на аристотелевскую и схоластическую систему, где есть растительная душа, животная душа и разумная душа, понимаете, это переосмысление всей этой иерархии.

Итак, что вы предпочитаете: иерархию бытия или механистическую метафизику? Что ж, мы вернемся к этому в следующий раз. Спасибо.